

НОВАЯ серия

андрей
поляков

= китайский десант =

Андрей Поляков

Китайский десант

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3118175
Андрей Поляков: Новое издательство; Москва; 2010
ISBN 978-5-98379-140-4

Аннотация

Андрей Поляков родился в 1968 году в Симферополе, окончил филологический факультет Симферопольского университета. Автор поэтических книг «Epistulae ex Ponto» (1995), «Орфографический минимум» (2001), «Для тех, кто спит» (2003). В книге «Китайский десант» собраны стихи 2000-х годов.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	10
7	11
8	12
9	14
10	16
11	17
12	19
14	20
15	21
16	22
17	23
18	24
19	27
20	28
21	30
22	31
23	32
24	33

25	35
26	36
27	40
28	43
29	44
30	46
31	47
32	49
33	50
34	51
35	53
36	54
37	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Поляков

Китайский десант

*Маленький робот играет в листву:
«О, поклонись моему божеству —
действие станет бессонным Китаем!
днём четверга! позолоченным чаем!»
Маленький робот, мы повторяем,
мы повторяем, мы повторим:
«Встанут деревья русским Китаем,
словно во сне после школы гуляем,
мы пролистаем всё, что читаем —
в листьях осенних Иерусалим!»*

1

Читай слова отсюда —

2

На каком языке засыпая,
я не вижу с востока друзей
в тёплых телом осенних платанах,
чтоб желтевшую вещь
освещая, вить
в ветвях
буквы, звуки, вообще.

В церкви жажды воды
(для религии синего сердца волны)
не телесные листья деревьев
(для религии влажной и тонкой воды)
назначают свиданья, свиданья...

Что мне слов золотое незнание?
Лучше осени дальний Китай,
круглых яблок,
любви урожай!

3

Это: – не слово,
и это: – не слово
(*стала рука моя
птицеголова*).

4

«Ласточка,
а в-чём ты виновата?»
«Только в-том,
что потеряла брата,
потеряла брата-муравья!»

Расплетает косы мурава,
а душа: ни-в-чём не виновата,
забывая маленького брата,
улетая в-чёрные слова.

5

«Как берётся
и куда садится,
и зачем поётся?»»

...вдалеке
пролетала нищая синица
лёгким пеплом шороха
в руке.

Только я —
рассказывал про звёзды, поднимал
подругу на руках, пробегал по переходам
в тёмных толпах, ездил на подземных,
на железных поездах!

Я не знаю, что-нибудь напрасно
я сказал про звёзды и любовь,
где подруг не больше, чем с напёрсток
от воды далёких городов?

Но синица за морем крестилась,
и на руку девушки моей —
дорогая гостья опустилась...

6

Выходишь ночью в гастроном,
сжимая косточку в ладони.
Вдруг! скачут сливы, словно кони,
ветвями в воздухе двойном.

А ты, отставший следопыт,
один из пеших в нашем деле,
заменишь тело неужели
на опыт листьев и копыт

во имя дерева-коня,
следов плодов лилово-сладких,
смотря, как конь, в мои тетрадки?

Так чьи там косточки в тетрадке?
А что в тетрадке? Всё в порядке —
ТАМ МНОГО (В АВГУСТЕ) МЕНЯ!

7

Слива и липа, синица и ласточка —
мне ли вас не воспевать?

Или по плитам осеннего кладбища
мяч с мудаками гонять?

В мокрой листве отражается золото,
мяч под ногами звенит —
всё хорошо, если сильно и молодо
сердце от злости болит.

Всё хорошо, если каждая косточка
твёрдо впечатана в стих...

Слива и липа, синица и ласточка —
это о вас, дорогих!

8

I

Сквозь ветви сливы руку протяну —
и на ладонь опустится синица...

о, я не знаю, что ещё приснится,
пока я сплю в зелёную длину!

II

На что красавица похожа? На пустырь!
На вечер-ласточку! На ветер-поводырь!

А я люблю, как вижу сон огромный,
аттический, неправедный и томный.

III

Ни в птичьем пёрышке, ни в косточке черешни
не отключу мусических машин,

но выйду на балкон —
— и воздух внешний
в слова надышит липы и бензин.

IV

Гомер невидимый кого несёт куда-то,

грозой в разбитое врывается в окно?

При свете молнии кто шепчет виновато:
«Под кожей холодно, пустынно и темно?»»

V

Смотрел ли я как пыль преобразилась
в отвесный шорох, в шелестящий зной?

Вдруг дождь пришёл с прозрачной головой,
а я сказал: «Ну, вот и наша милость!»»

9

Синица говорила так:

Идут дождям осенние погоды,
плывут, как рыбы,
крылышками в них
вообще-то птиц
прекрасные уроды
и кукол девушек
двоих твоих
двоих.

Лишь, лишь листок, наветкой драгоценный,
желтит в окне —
китаец
повседневный.

А вот и я —
на веточке
стою,
держа в листве
осеннюю
семью.

А липа отвечала так:

Чтоб в виде дыма

Господу
присниться,
но не сгореть
на хвостике своём,
лети в Китай, красивая синица
(пльиви в листве,
летающая птица!),
семнадцатого часа
кораблём.

Тебе
тесна
осенняя
листва,
а мне
вода —
союзница
лица.

10

Незрячий дождь: такого цвета свет
есть осень лить, летя в своей листве.

А зря-зачем и не-про-что слеза...
– Прощай, одна, – пора начать, сказав, —

спасибо для тебя за доброту,
за всякую семантику во рту!

Мокрая птица
(летит под дождём).

«...мокрая птица,
куда ты летаешь?

кто ты летаешь
под мокрым
дождём,

если, как птица,
летишь —
и летаешь?

кто ты за птица,
крылом шелестя,
спя на лету
или просто —
летя?..»

Девочка птичка
мелькнула в ответ —

стала женой

на четырнадцать лет.

12

Рыбы летают в подводной воде,
части молчания
носят в себе...

*– Рыбы, вы мокрые рыбы,
вам прослезиться
пора бы!*

Птицы, как боги, сидят на ветвях,
светятся листья в зелёных глазах,
дождь
начинается
капать...

*– Боги, не плакать,
не плакать!*

Укол, холодное
во рту, с наркозом
музыки во льду

я повторяю
ерунду: «Мы все
в долгу
перед дождём, которого —
не ждём...»

А боги не говорят:
«Зубы у нас болят».

А что они говорят? Не знаю,
что говорят. Только
не говорят: «Зубы у нас —
болят».

«У золотых ребят».

«Больно у нас болят».

15

Кто занят книжкой, как девушкой
своей, за августеющей дубровой,
тот тенью бога хромоногой покинет
крымский лес и встанет у дверей.

Заумный козий бог темнеет в темноте:
но мы давно не дети, мы – не те,
высокая и русская не очень, где листвобой
с тобой желтеет ночи, где цедит свет
знакомая звезда, где нашего народа
борода, где виден сон...

Я вижу сон...

Во сне —

мне кто-то говорит

и повторяет:

КАК БОГИ ВЛАСТВУЮТ СОЗНАНИЕМ БОЛЬНЫМ
И.

ОШИБОК ВВОДА/ВЫВОДА

УДАЛЕНО:

16

*Господь – рифмует
сновидения,
а я – пишу
стихотворения.*

...посижу
дома —

поищу

Бога.

...посижу,
погрущу,

песенки —
посвищу.

17

Александрю Моцару

Я верю в Бога,
потому —
считаю время за тюрьму

(где, проливая токи слёз и восклицая
«братья! братья!», в осенней дымке
папирос, ко небесам открыв объятя —
октябрь уходит как-то так,
как мальчик-робот
с чёрной тенью),

навстречу снежному видению
подъемля издали кулак.

Вот был сон
о твоих словесных страстях,
почти
утраченный за день,

неуслужливый,
золотой. Ты
всё ещё чувствуешь,
чуть-чуть не помня,

его присутствие
под ложечкой, слабую,
лишнюю (нет)
свирель-пустоту о том, как
сбегаешь вдоль

эскалатора
в Божьем одиночестве и
(обратил на это после)
тряпичной
тишине,

как вдруг:
осень, желтоватые, осень, листья

на площади сна,
дымка,

детский мальчик
лет восьми (девяти)
с бывшим твоим рюкзачком...

– *Что ж, догнать!*

Никакого нет,
мальчика нет,
ты как если скользишь

давной улицей, где
Симферополь,
булыжник,
афишная, видишь ли, тумба

по линии к телецентру,
не вовсе напротив
проходного двора
и дворов,

серых ступенек,
чёрных
(железных куда-то)
перил.

Понимаешь, что мальчик

был Аполлон Безобразов,
потом:
что он был по себе —
Филострат...

Возвратиться проснулся,
подумал: ведь
Безобразов-не-Филострат —
спокойная тема дня

для Китай-разговора.
Для
разговора.

Кошка

– это серые ходьбы зверя! —

разговаривает:

«Я надеюсь о Боге...»

Немного собаки говорит:

«Лаем, лаем!

удаляемся, удаляемся!

Никого не остаётся вот здесь,
кроме отражения бумажной луны

на лезвии потерянного ножа
в плакучей речке
Салгирке...»

Или-ещё-один-раз:

«Ничего не замечаю смотреть,
кроме отражения луны, не луны
на трупиках потонувших мечей
в голодной реке —
Монголке».

Листопад
легко и сухо
опускается
на ухо,
– ухо слышит
как шуршит,

словно звук
в мешок зашит!
В дождь
из листьев
кто выходит?
в желтопад, в те, в то... —

нет,
не получается стишок,
ну и ладно,
хрен с ним,
лучше перекурим
сигарету «Прима»,
а потом —
запишем
первое,
что плеснёт сюда в голову:

ХҮАНХЭ.

21

Чья лодка, вóлнами
шурша, как листьями,

скользит под кожей:
не так ли уплывёт

душа, когда заснёт
на брачном ложе?

Когда уснёт на брачном ложе, чьё сердце выплывет:
дыша?

*Приснилось:*¹

Пятигорский косит на восток
он похож на разумный цветок

¹ Правда, приснилось.

«Слушай, осень, а ты хороша:
у тебя между листьев душа —
что ты хочешь,
душа золотая...»

«Я хочу половину Китая,
жёлтым мелом метёный восток,
в голове золотой бугорок:
он блестит и царит в голове,
там, где осень,
а может — и две».

Не снимай
дождя
со щёк,
ну,
пожалуйста,
ещё,
ну, скажи:

в жизни —
жизнь,
поживём —
увидим
жизнь!

что же
мы
увидим?

— после дождичка
в субботу
в блеске дождичка
пруды:

две

осенние
заботы,

две
осенние
воды.

...дождик в каплях: «да-да»,
а одна: «ад-ад»
(это в силе *обратная* осень)...

26

*В семье дождя летит луна желтой
в числе осенних китайских новостей.*

Нет, я не длился вчера этой осени ночью одной. Я слушал как дети дождя шелестят за стеной, поют, обращаясь к родным и любимым шумящих деревьев ветвями сновидцам в ненаглядной своей красоте... словно бабочка бьётся в аорте...

Просто мёртвые так не поют. Только ангелы очень поют, отпуская друг друга на землю на небесного веса верёвках в редком облаке ласточек, в маленьком блеске маслин. Товарищи май, товарищи вёсны, товарищи вёсла и цапли в воде – вот бывает, что так напевают.

Звучат непонятно, поют о руках и богинях, похоже на то, как если бы я пробегал под рекою Салгира, квадратно-осенней лунной осветлённый, печальный, весёлый, больной...

борода

до утра вырастает чуть-чуть, мягко плешь серебрится
монеткой...

Сутулый очкарик, бледен, слаб, дождевою водою, как
ветром, волнуем,
наделённый библейским кустом бороды, я торжественно
сплю наяву,
подражая дождю бормочу, облачённый в себя, опьяняясь
антично
стихами, чьи слова – города под водой... или нет —

журавли кораблями... Что ж, печально весёлый, я
крестиком в стороны
руки раскину китайской в рубашки пустых рукавах (а на
сердце —
свеча и просфорка), я, незримо качаясь на жёлтых и
чёрных *иного*

эфира волнах, подержу в голове Персефону... Пускай
православный,

но всё же... Пускай я крещёный, но всё-таки часто мне
хочется
осенью верить каким-то богиням красиво-ночным, в теле
плоти собой
засыпая, все их тёплые руки, как листья, к лицу
прижимать, на весу
драгоценных верёвок теплеть, а богиням – облизывать

пальцы...

И не то, что б хотелось слезами молиться на женские
части

дождливых богинь молодых, но всё-таки хочется
временем часто

хоть бы издали в Таврике слышать как чьи-нибудь дети
порой

поют за китайской по цвету, из-за листьев осенних,
стеной:

«Богини левая рука

бела,

как в мае

облака,

а правая

рука —

червонная

рука,

а третья рука —

невидима пока,

а третья рука —

невидима

пока...»

*Как гитара осенней порой,
зов луны над моей головой:
в дождевеющих вечером рощах
птицы оловом горло полощут.*

Даже в птице
дождливая
кровь —
переводит на осень
любовь,

как буддиста
внебрачная
осень,
превращённая в цифру —
108.

Это есть восковые сады,
свет туманный
от низкой воды,

желтизна где-то около года,
журавлиное слово —

«свобода»,

и осеннее слово —

«любовь»,

и дождянок отцовская кровь...

Отвечай,

дождевая красotka,

хороша ли

с мороженым

водка?

Ты ли —

ласточка

в сердце пустом

с косоватым

китайским хвостом?

Ты звезда,

бузина

или птица,

дождевая под кожей

водица?

Что ты видишь,

куда ты не спишь?

Я не знаю тебя,

говоришь?..

Соседка, прекрасная
сзади,
чтоб выше чуть-чуть поднялось,
уснула светиться
на белой кровати,
а всё остальное
во сне началось:

*летает ли
бабочка-чашика,
кончает ли
ветка – дождём,*

*где я восклицаю
«Китайцы!»,
«Наташка!»,*

*а ты говоришь
«Подожждём!»,
«Подожждём!»*

Днём
идём
в Эдем

день и день,
и день,

и нет —
тени...

и нет —
ни тени,

ни слова
тени —
нет...

в медовом
Эдеме —

осени́,

и размером,
и морем зари:

а пелена —
нелепа!

С испуганным сердцем в груди
пойдём от себя впереди —
пойдём-ка,
походим
ногами,
как птицы
летают
над нами,
которые,
если идём,
то песню о гриппе
поём:

«Девочка-дура и мальчик-читай
спят в облаках,
наигравшись
в Китай!»»

По-другому:
«Девочка-насморк и мальчик-чихай
спят на луне,
не играя
в Шанхай».

На травѣ желтоватый холм
мальчик в пыльной одежде
подымается дымным полуднем
не постареть в надежде,
и вдруг —
от слабости

КРИЧИТ,

зубами
верещит,

о чём язык
в рукав
молчит,

до горечи
молчит:

«Бог —
строг,
а вещи —
зловещи,

солнце —
не блещет,

не весел —
итог!»

На сухой дороге
куст явился в Боге.
Куст возьми и говорит:
«Вдоль меня огонь горит
близким Бога следом,
красным цвета светом.
А ты, пустыня,
на высоте песка —
сама ещё богиня
и жёлтая твоя рука,
и жёлтая
(тяжёлая)
и жёлтая твоя рука!..»

*Ради ястреба с пучком еедой сухой полыни
приготовь к открытию ладони!*

Пучок сухой полыни
верёвочкой свяжи,
и вот на это слово
– «ПОЛЫНЬ» —
как руку, положи.
А я Китай забуду,
забуду навсегда,
и о Китай не вспомню
езде и никогда,
а если даже вспомню,
то как песок,
звезда,
мотылёк, холмы,
подруга
и чужие города.

Крапивой богатые, боги
стояли у пыльной дороги,—
над ними кружил мотылёк,
как город Монголы, далёк.

Под солнцем какого-то цвета,
на жёлтых, как свечи, холмах
мы выткали травы и ветер,
и ястреба с солью в глазах.

Родная подруга-погода,
ты светишься августом года;
погода, вот здесь подними,
а я — расстегни иними!

Давай разобьёмся по двое,
пойдём, как соседи, домой,
чтоб воздуха знамя сухое
дрожало двойной головой.

За осенью поля и леса
блестит золотая завеса;
как дольний полёт мотылька,
соседка светла и легка.

Золотая орда, ты моя золотая орда, я тебя не верну, ни
за что я уже,
никогда!

С монгольской марки золотописьма
играет рыб, а крыс – недоказуем
сквозь валенок славянского ума,
где листья осень сеет,
образуя
вечерний цвет
отсюда
сентября
туда,
куда
желтеют рукавами
крысиный рыб,
Таврида корабля,
жидовка-речь,
монгольская рубля
и прочие,
которые —
мы сами.

Полгода бледными, как длинными, ногами
погода августа гуляла над полями,
и журавлями в воздухе звуча,
во всём светилась осени свеча.

Мне было ветрено, мне было неприятно,
я видел в воздухе мелькающие пятна,
лохмотья Хроноса, желтевшие на вид,
платочки ветхие в руках у Пиэрид.

А ты? А я? А родина вторая?
Смотри, над крышами вот этого Китая
царица рыжая бежит наискосок,
прикрыв ладошками осиновый листок!

А вы? А я? А мы не поднимали
с асфальта влажного советские медали,
флажки опавшие, потёртые значки,
филологические точки и крючки?

Но чёрным золотом, не речью деревянной,
Стаханов славился в Аркадии баянной,—
недаром двигался, как Будда, под землёй,
как будто старенький, а вечно молодой!

Недаром родина какая-то вторая...
Я помню Пушкина в ночи Бахчисарая,
он трогал тросточкой летеvщую листву
и звал в читатели оленя и сову.

Но где мурмурочки, где кошечки-подруги
плакучей осенью на севере, на юге?
Восток раскинулся на двадцать восемь строк,
и вьётся к западу невидимый дымок

.....

.....

.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.